

РЕФОРМЫ В РОССИИ: XX ВЕК

В статье проводится анализ экономических реформ в России, вклада российских ученых-экономистов в их научное обоснование. Параллельно проводится сравнение с современными реформами в экономике России.

Революция... есть расплата за грехи прошлого, есть знак того, что не было творческих духовных сил для реформирования общества.

Н. БЕРДЯЕВ

Слово «реформа» происходит от латинского *reformare* – «преобразовывать», означает преобразование, изменение, переустройство. Революция и реформы. В чем их различие? Очевидно, революционер должен быть способен противопоставить друг другу социальные силы, а реформатор должен манипулировать ими. Реформатору вследствие этого требуется обладать политическим искусством на порядок выше, чем революционеру. Удачливый революционер не обязан быть искусным политиком, удачливый реформатор не может им не быть. Реформы призваны устранить злоупотребления власти, а революция – это переход власти. Судьбы революционеров и реформаторов очень часто похожи. Многие из них заканчивали свою жизнь в опале или на эшафоте.

История российского реформаторства более продолжительна, чем 100-летний период. Эту историю можно начать с Владимира Красного Солнышка, вспомнить «Наставление богатым» из Изборника 1076 г. и «Поучение наследникам» Владимира Мономаха (1377 г.). Действительное начало больших перемен – реформы Петра Великого, которые начались не на пустом месте, а были подготовлены великими просветителями-реформаторами «предпетровской эпохи», которые распространяли на Руси грамоту, книгопечатание. Благодаря этому напечатал свои труды экономист-реформатор И.Т. Посошков, опередивший своими идеями А. Смита ровно на полвека. Оттуда корни возникновения в русской истории такого титана, как «русский Леонардо» – М.В. Ломоносов, который проявил себя не только как великий естествоиспытатель, но и как незаурядный экономист и политик. «Благополучие, слава и цветущее состояние государства от трех источников происходит. Первое – от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных;

второе – от победоносных действий против неприятеля с заключением пристойного и славного мира; третье – от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами через купечество» – писал он.

Велики заслуги великого русского просветителя екатерининских времен Н.И. Новикова, в типографиях которого печаталось 30% всех книг России, не забудем заслуги статс-секретаря Александра I графа М.М. Сперанского и конечно императора Александра II – истинного российского реформатора. Какова судьба этих реформаторов? Преждевременная смерть, тюрьма или опала не обошли многих из них. И не только их, но и других, следовавших за ними. Вспомните Столыпина, Хрущева, Горбачева и др.

Вот уж воистину прав философ, сказавший, что в России тот, кто задумал проводить реформы, должен приготовиться к смерти. Видимо, действительно дьявол не любит ничего больше нетерпимости к реформаторам.

В конце XIX века, Россия, сбрасывая с себя цепи средневекового крепостнического рабства, бросилась вдогонку за Западной Европой, где промышленная революция началась на 50-100 лет раньше. В конце XX века Россия, освобождаясь из пут тоталитарного режима, пытается выбраться из экономической пропасти, куда скатилась в XX веке.

Сегодня Россия, как и 100 лет назад, вновь столкнулась с теми же проблемами. Важнейшей проблемой является **нерешенность земельного вопроса**. Возможно, именно из-за этого реформы сегодня застопорились. Именно поэтому история первичного становления капитализма и проведения первых буржуазных реформ в России является весьма поучительной, многие ее уроки актуальны и сейчас.

В последней трети XIX века в России имелся ряд благоприятных условий и предпосылок для того, чтобы начать быстрый переход от примитивного производства к машинному. Главная предпосылка – это громадный **резерв рабочей силы**, сконцентрированный в деревне, готовый в любое время и на любых условиях

работать в промышленности. Сегодня этого нет, поскольку деревня в России подверглась практически полному разгрому.

Важнейшей предпосылкой экономического роста России явилось опережающее развитие производственной инфраструктуры, прежде всего железных дорог, телеграфа за счет государства, что ускорило оборот товаров, капитала, информации. В настоящее время состояние производственной инфраструктуры оставляет желать лучшего, а средств на ее развитие правительство не находит, хотя в стране за последнее время появился слой сказочно богатых людей, присвоивших народное достояние.

Не менее значимым было и то, что царское правительство проводило тогда мудрую тарифную политику, которая защищала российского производителя от импорта и побуждала Европу к ввозу в Россию производительного капитала.

В конце XIX века около половины накопленных в русской промышленности осуществлялось за счет иностранных вложений. В страну шли не только деньги, но и технология Запада. Тарифная политика сегодняшнего правительства открыла границы для великомасштабной импортной товарной экспансии, а объемы ввоза капитала просто жалки.

Инвестиционная привлекательность России для иностранного капитала была на высоком уровне потому, что в России тогда расширялась емкость национального рынка, был проведен переход к твердой конвертируемой валюте – золотому рублю, имелся базировавшийся на крупномасштабном экспорте хлеба активный внешнеторговый баланс, который давал возможность поддерживать устойчивый курс национальной валюты и вовремя возвращать долги.

По этим причинам во второй половине XIX века Россия опережала ведущие страны Запада по темпам роста. С 1865 г. по 1900 г. ежегодная выплавка чугуна увеличилась почти в 10 раз, добыча каменного угля – в 42, длина железных дорог – в 14 раз. Наиболее мощный экономический подъем произошел за последнее десятилетие XIX века. В 90-е годы продукция черной металлургии увеличилась на 32%, добыча каменного угля – в 2,7, нефти – в 2,6, выплавка чугуна – в 3,2 раза.

Но в 1900 г. бурный промышленный рост застопорился. В чем дело? Многие экономисты считают, что были достигнуты пределы резервов роста, установленные нерешенностью земельного вопроса. Несмотря на рост товарности сельс-

кого хозяйства, пережитки крепостничества (сохранение помещичьего землевладения, сословного неравноправия, кабальных форм эксплуатации крестьян) тормозили развитие капитализма на селе. Главным образом из-за этого Россия оставалась в технико-экономическом смысле по сравнению со странами Запада страной отсталой. На пути прогрессивного развития деревни, основой которого была бы хозяйственная инициатива и личная материальная заинтересованность сельских производителей, лежала общинная система. Истоки проблемы лежали в том, что 1861 год дал крестьянам лишь личную свободу, но не дал свободы экономической, т. е. они не стали частными земельными собственниками.

Община, как впоследствии колхоз, была полной хозяйкой на земле. Главный вред, который она приносила народному хозяйству, находился не только в области экономики (ограничение самостоятельности крестьянина и хозяйственной инициативы), но и в области социальной психологии: община порождала пагубную мораль всеобщей уравниловки.

Дискуссии по земельному вопросу в начале XX века были очень напряженными, как и сегодня – в начале третьего тысячелетия. И тогда было много противников частной собственности на землю, среди них были известные ученые, государственные деятели и даже сам Лев Толстой, который разрушение общины назвал в 1908 г. «отвратительным преступлением правительства». Противниками столыпинской реформы были известный русский экономист, статистик и публицист, член-корреспондент Академии наук А.И. Чупров, русский экономист-географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Однако нельзя не сказать и о тех российских ученых-экономистах, которые были сторонниками столыпинской реформы. К ним относится А.А. Миклашевский, который считал, что при проведении реформы земля «должна быть устроена в такой форме землепользования, в которой может быть обработана наилучшим образом, ибо продукт земли и его возрастание необходимы в селе, всему обществу».

Сторонником и одним из научных инициаторов столыпинской реформы был и виднейший теоретик, крупный ученый-экономист М.И. Туган-Барановский. Свою позицию он изложил в книге «Земельная реформа: очерк движения в пользу земельной реформы» (1905 г.).

Что нам надо знать и помнить о столыпинской реформе, чтобы осуществить сегодня.

1. Следует признать в качестве фундаментального положения тезис С.Ю. Витте и П.А. Столыпина о том, что от правильного разрешения аграрного вопроса в первую очередь зависит само существование Российского государства, что свободные, хозяйствующие на своей земле крестьяне – одна из главных опор российской государственности.

2. Следует признать опасным заблуждением бытующее мнение о том, что общинное (колхозное и т. п.) землепользование – это исконно **русская** форма организации сельской жизни и сельскохозяйственного производства. Хорошо известно, что в конце XVI века русские селились хуторами, а община появилась и укрепилась только по мере усиления тоталитарного царского режима и крепостного права. В несколько измененной форме община возродилась в условиях тоталитаризма советских времен и даже была признана и сохранена фашистами на оккупированных землях как наиболее удобная форма организованной эксплуатации и ограбления народа.

3. Считая общину в принципе тормозом культуры и развития производительных сил, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин не требовали ее ломки там, где ее существование было оправдано объективными условиями, т. е. община могла существовать в форме добровольного объединения. Концепция столыпинской реформы предусматривала существование многообразных форм землевладения при преобладании личного крестьянского, выбор крестьянами форм землевладения и землепользования при всемерном развитии местного самоуправления.

4. Поистине несопоставима роль государства в аграрных преобразованиях времен П.А. Столыпина и в настоящее время. Тогда государство активно вмешивалось в процесс приватизации земельных наделов, выдавало кредиты на покупку земли и освоение купленных крестьянами участков, выставляло на продажу государственные земли, бесплатно проводило работы по землеустройству (а сейчас сколько чиновничьих контор кормится на этом?), содействовало развитию производственной кооперации, создало многоструктурную систему сельскохозяйственного образования и т. д. Сейчас же крестьяне брошены на произвол судьбы.

Часто можно услышать упреки в адрес Столыпина за применение насилия в ходе аграрной реформы. Было и это, однако наиболее мощными стали примененные им организационно-

экономические рычаги, главным из которых стал Крестьянский поземельный банк, который осуществлял покупку и продажу земли, выдачу кредитов на покупку земли и хозяйственное обустройство, выдачу ссуд под залог земли, посредничество при покупке земли у помещиков, а также предоставление льгот по платежам в случае неурожая, падежа скота, стихийных бедствий. Заложить землю можно было только в Крестьянском банке, который предоставлял ссуды на полстолетие, кредитовал до 90% стоимости покупки при максимальном размере годовых 4,5%. Разве сегодня можно сравнить его с нашими «липовыми» агро- и сельхозбанками? Уплата части процентов по ссудам происходила из госбюджета, что превращало столыпинскую аграрную реформу в поистине всенародное дело.

Итоги столыпинской реформы: к 1917 г. 90% всей пахотной земли в Европейской части России принадлежало крестьянам, получившим полное право частной собственности на землю. В стране стала формироваться масса крепких товарных хозяйств фермерского типа. Валовая продукция сельского хозяйства, несмотря на страшные неурожай 1911 – 1912 гг., выросла с 1890 г. по 1913 гг. на 34%. По расчетам А.А. Скрябина в 1909 – 1913 гг. общий объем производства главных зерновых культур почти на одну треть превысил продукцию Аргентины, Канады и США, вместе взятых. Росли производительность и интенсивность сельского труда, развивалась кооперация, был сделан скачок в народном образовании и формировании слоя сельской интеллигенции. Общие итоги экономического развития России в начале XX века известны: вступив на путь индустриального развития с большим запозданием, она перед началом первой мировой войны вышла на 5-е место в мире по объему промышленной и на 4-е место – по объему машиностроительной продукции.

Реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, требовавшие титанического труда при мощном сопротивлении влиятельных политических кругов России, не могли бы быть проведены, если бы они не опирались на достижения передовой русской экономической мысли и не пользовались поддержкой русских ученых-экономистов – П.Б. Струве, Д.М. Петрушевского, М.А. Дьяконова, С.Н. Булгакова, А.А. Богданова, А.С. Посникова и других. Важно подчеркнуть достижения русской школы математической экономики и статистики, являвшейся в то время

лидером в мировой науке, яркими представителями которой стали Ю.Г. Жуковский, В.С. Войтинский, В.Ф. Залесский, В.К. Дмитриев, Е.Е. Слуцкий.

После октябрьского переворота первым камнем, вложенным в здание экономической системы тоталитарного общества, был «военный коммунизм», который можно назвать романтическим периодом экономического тоталитаризма. Ведь партийный истеблишмент того времени искренне верил в быстрое построение коммунизма. В этом сходство между этим периодом и годами «романтического либерализма» 1991-1992 гг. с их наивной верой в возможность быстрого преобразования экономики.

«Военный коммунизм» стал воплощением парадигмы общественно-экономического сознания большевиков (марксистский догмат о так называемом плановом функционировании полностью обобществленного производства): стопроцентная государственная собственность в промышленности, всеобщая трудовая повинность, трудовые армии, в сельском хозяйстве – коммуна, продразверстка, натуральный обмен, ликвидация товарно-денежных отношений, уравниловка в распределении.

Экономическая катастрофа в России наступила в 1921 г.: производство продукции в сельском хозяйстве сократилось более чем на треть от довоенного уровня, объем производства в промышленности составил 14,6% от уровня 1913 г.

В годы «военного коммунизма» были рождены те самые «киты», на которых в течение многих десятилетий зиждилась советская система управления: прямое распределение ресурсов в натуральной форме, примат материально-вещественного аспекта воспроизводства, пренебрежение сферой услуг, финансов, инфраструктурой, отраслевая автаркия, отраслевая анклавизация. Уже тогда были заложены пороки экономической системы:

- идеологизация экономической политики;
- нереальность и невыполнимость народнохозяйственных планов;
- формализация товарно-денежных отношений;
- подавление у трудящихся заинтересованности в результатах своего труда;
- огосударствление аграрной сферы, насильное «перераспределение» ресурсов в пользу других отраслей;
- народившееся всевластие номенклатуры.

Главный урок «военного коммунизма» заключается не столько в безрадостных социально-экономических итогах, сколько в морально-нравственных последствиях, когда был забит осиновый кол в хозяйственную самостоятельность, в личную экономическую заинтересованность российского производителя, когда усилилось отчуждение труженика от средств и результатов труда.

Под влиянием этого в течение 70 лет формировалась психология российского труженика. В него вколачивали морально-этические нормы, в соответствии с которыми надо было думать одно, говорить другое, а делать третье.

И сегодня мы удивляемся, почему он, получив свободу, не устремился к созидательному труду, а пустился воровать.

Чтобы до большевиков смог наконец дойти гнев народа и недовольство «военным коммунизмом», понадобились крестьянские восстания в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии, в Кронштадте. Пролит море народной крови, большевики задумались об изменении экономической политики.

Новая экономическая политика, начавшаяся водиться с 1921 г., характеризовалась налаживанием экономических связей между городом и деревней на основе частичного возврата к рыночным отношениям, изменилось налогообложение крестьян – вместо продразверстки был введен продналог, оставшуюся после уплаты налога продукцию крестьянин мог реализовать на рынке, начала развиваться кооперация (снабжение-сбытовая). Была перестроена система оплаты труда с тем, чтобы повысить личную заинтересованность работников в результатах труда, на промышленных предприятиях был введен хозрасчет. Регулирующим началом экономического развития страны стало сочетание планирования и рыночного механизма.

Но по мере развития планирования административное вмешательство в хозяйственную жизнь стало усиливаться. Указания Госплана о том, сколько и кому производить, по какой цене и кому продавать стали обретать силу закона уже к 1928 г. В аграрном секторе, который тогда еще не был национализирован, планирование не исходило из отрицания рынка, а опиралось на его изучение как полноправного регулятора экономических процессов. В отличие от ВСНХ и Госплана планирующие органы аграрного сектора – Земплан, Наркомат земледелия и являвшийся их исследовательской

базой Конъюнктурный институт Наркомфина – считали, что перспективные планы должны определять не точные цифровые данные, а тенденции развития народного хозяйства. Поэтому Земплан давал прогнозы о будущей конъюнктуре сельскохозяйственного внутреннего и внешнего рынка, о том, каковы предпосылки и препятствия для развития сельскохозяйственного производства и т. д. Институт имел разветвленную сеть получения статистических данных о конъюнктуре, а также была создана система наблюдения и изучения оптовых цен.

Успехи аграрного сектора в этот период во многом связаны с деятельностью Конъюнктурного института как научной базы благодаря тому, что его руководителем был выдающийся русский ученый-экономист Н.Д. Кондратьев. Главной чертой его было твердое убеждение, **что социализм экономически неосуществим**. Кроме научных достижений Н.Д. Кондратьева нужно еще сказать о том, что он, занимая должность замминистра земледелия во Временном правительстве, был активным участником разработки проекта буржуазной аграрной реформы в России. Он, как и многие тогда и большинство сегодня, рассматривал НЭП как разновидность государственного капитализма.

Краеугольным камнем научного мировоззрения Н.Д. Кондратьева и объектом нападок был отстаивавшийся им примат сельского хозяйства перед всеми остальными отраслями экономической деятельности. Он был убежден и неоднократно подчеркивал, что **экономическое развитие любой страны определяется возможностями сельского хозяйства**. Мы воспитаны на идее «ведущей и преобразующей» роли промышленности по отношению к сельскому хозяйству, однако российская экономическая практика последних десятилетий заставляет задуматься: а не прав ли был Николай Дмитриевич? Думается, что указанным тезисом ни в коем случае не подразумевалось противопоставление аграрной и индустриальной сфер экономики. Они обе должны развиваться равномерно, усиление одной из них неизбежно ведет к диспропорциям и кризису, что наглядно показали опыт индустриализации и практика сегодняшнего дня. Сегодня как никогда мы должны помнить об известном тезисе: когда в стране хорошо крестьянину – хорошо всем.

Под руководством Н.Д. Кондратьева в Конъюнктурном институте была проведена большая работа по исследованию глобальных

проблем анализа статистических рядов, явившегося базой создания нового раздела математики – теории случайных функций. Н.Д. Кондратьев создал теорию «длинных волн», дав подлинный научный анализ всех факторов экономических колебаний. Если М.И. Туган-Барановский превратил теорию кризисов в теорию экономических конъюнктур, то Н.Д. Кондратьев нащупал методологию прогнозирования фаз подъема и спада, позволяющую математически предсказывать изменение самой конъюнктуры. Этим он не только приобрел мировую славу, но и достойное место в ряду институционалистов, исследовавших тематику, которая в Европе получила название «Теории конъюнктуры», а в Америке – «Теории циклов бизнеса». Немудрено, что имевший такую биографию Н.Д. Кондратьев после свертывания НЭПа (1930 г.) был арестован и расстрелян в 1938 г.

Только на год пережил его А.В. Чаянов – второй из плеяды ученых, которых мы называем отцами НЭПа. А.В. Чаянов был одним из организаторов Лиги аграрных реформ и так же, как Кондратьев, заместителем министра земледелия во Временном правительстве. При советской власти с 1922 г. возглавил Исследовательский институт сельскохозяйственной экономики и политики. Синтезировав концепции трудовой и потребительской теории крестьянского хозяйства на основе концепции предельной полезности, он сконструировал так называемый трудово-потребительский баланс, объясняющий внутренний механизм развития крестьянского хозяйства. Он являлся автором оригинального плана вертикальной концентрации частных хозяйств как самостоятельной народнохозяйственной системы.

Необходимо отметить приоритет российских ученых в разработке моделей для анализа структуры народного хозяйства, выявляющих межотраслевые и межрегиональные связи, структуру распределения валового и конечного продукта. Этот метод, положенный в основу создания принятой сегодня ООН системы национальных счетов, был развит известным американским экономистом русского происхождения В. Леонтьевым, однако впервые полный межотраслевой баланс народного хозяйства был составлен в СССР в 1923 – 1924 гг. под руководством П.И. Попова.

В годы НЭПа бурно развивалась и отечественная экономико-математическая школа. Пионерами в этой области выступали Е.Е.

Слущкий, А.В. Чайнов, Н.Д. Кондратьев. В то же время славу «первого советского экономиста-математика» приобрел С.Г. Струмилин. Возникли новый раздел высшей математики – линейное программирование и теория оптимального управления.

Отечественная наука в те годы достигла больших успехов и в применении испытанных методов экономической статистики (Е.Е. Слущкий, А.А. Чупров, Н.С. Четвериков) к анализу не только поведения потребителей, но и временных рядов, признанному во всем мире как важнейшее достижение российской экономико-математической школы в 20-х и последующих годах.

Большой вклад в фундамент будущей теории оптимального управления внес один из авторов плана ГОЭЛРО Г.А. Фельдман, опубликовавший свои идеи по моделированию экономики за 15-20 лет до того, как первая модель экономического роста была построена на Западе. Г.А. Фельдман был сторонником программно-целевого принципа планирования.

В 20-х годах зародилась теория сравнения плановых вариантов (теория сравнительной эффективности хозяйственных мероприятий), ставшая в последствии одним из разделов теории оптимального функционирования экономики. Одним из пионеров этой теории был Л.Юшков, его идеи через 40 лет были обоснованы В.С. Немчиновым.

В 30-40 годах теория сравнения эффективности хозяйственных решений резко видоизменилась с появлением работ В.В. Новожилова и А.Л. Лурье, наполняясь новым содержанием в связи с разработкой теории оптимизации планирования.

Обоснованию единства генетического и целевого подходов в перспективном планировании и прогнозировании были посвящены работы В.А. Базарова, В.Г. Громана и Н.Д. Кондратьева. На другую сторону оптимизации перспективных планов – необходимость учета «цепной связи» отраслей народного хозяйства – обратил внимание А.А. Богданов, наиболее полно разработавший теорию динамического экономического развития, лежащую в основе современных представлений об оптимальном перспективном планировании. Фундаментальное значение имело открытие в 1939 г. Л.В. Канторовичем метода линейного программирования, применяющегося сегодня для решения обширного класса хозяйственных задач, начиная с оптимизации гру-

зопотоков и кончая разработкой перспектив реализации крупнейших инвестиционных проектов. Но заслуга Л.В. Канторовича не только в открытии этого метода. Он показал возможные пути дальнейшего развития математических методов и перспектив применения их в экономике. Он раскрыл задачу построения оптимального плана, метода его нахождения в народном хозяйстве в целом и особенно подчеркнул необходимость перехода от статических задач к динамическим, что возможно, по его мнению, только с помощью построения системы моделей. Так были посеяны первые зерна и появились первые всходы теории оптимального планирования, без которой сегодня не может быть решена ни одна экономическая проблема.

Не возьмем на себя смелость говорить о том, что было бы с нашей экономикой, если бы предложения наших ученых были бы в то время реализованы на практике. Как говорится, история не имеет сослагательного наклонения, а плоды «командной оптимизации» известны. Первые ростки оптимального планирования были затоптаны не научными аргументами, а кованым сапогом репрессий. В тюрьме оказались Г.А. Фельдман, Л.Е. Минц, А.Л. Вайнштейн и др. «Проработкам» подвергся Л.В. Канторович. Надо было обладать незаурядным гражданским мужеством, чтобы в тех условиях продолжать исследования, что в конце концов было вознаграждено возрождением российской математической экономики.

Параллельно с развитием указанных исследовательских направлений на рубеже 20-30-х годов стала набирать силы так называемая политэкономия социализма – апологетическая теория, целью которой было обслуживание командно-административной системы, а главной задачей – борьба с инакомыслием в экономической теории. Так в России появились две параллельные экономические науки.

Рассказ о теоретиках новой экономической политики представляется важным для того, чтобы вызвать сомнение в правдивости мифа о том, что первым, кому пришла в голову «гениальная» мысль о НЭПе, был якобы В.И. Ленин. Известный публицист, старый социал-демократ Н.А. Рожков, писал в декабре 1918 г. В.И. Ленину: «Вся Ваша продовольственная политика построена на ложном основании... Без содействия частной торговой инициативе Вам, да и никому не справиться с

неминуемой бедой...» Судя по содержанию завязавшейся между ними переписки, В.И. Ленин не только не увидел гибельности «военного коммунизма», но и рьяно его отстаивал. А то, что Н.А. Рожков не был немедленно репрессирован, объясняется, видимо, тем, что до этого они с Лениным были старыми знакомыми. Впрочем память у Ленина превосходная. В самый разгар НЭПа – в 1922 г. – Ленин писал Г.Е. Зиновьеву: «Рожков в Питере? Надо его выселить».

В письме Л.Б. Каменеву от 3 марта 1922 г. Ленин писал: «Величайшая ошибка думать, что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому». История экономики нашей страны свидетельствует, что эта угроза была реализована. Термин «экономический террор» не привился в литературном обиходе. Вместо него принято говорить «командно-административная экономическая система».

(Продолжение следует)

Список использованной литературы:

1. Большая Советская Энциклопедия, 3-е издание, тт. 3, 22, 1979;
2. Большой экономический словарь. Под ред. А.Н. Азрилияна. М., 1999;
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. т.т.33,43,44,45, М.,1976;
4. Полянский Ф.Я. История русской экономической мысли. М., 1955 – 1956 гг.;
5. Русские экономисты (XIX – началоXX в.). М., 1998;
6. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. 16., М., 1964;
7. Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков. «Экономика», 2003.